

Белинский А.В.¹

Соседи, партнеры, конкуренты: Западная и Центрально-Восточная Европа² на переломе эпох

***Аннотация.** Статья посвящена эволюции взаимоотношений между Западной и Восточной Европой в условиях геополитической турбулентности и кризиса миропорядка первой трети XXI в. Автор выделяет несколько этапов в развитии взаимоотношений между «старой» и «новой» Европой после окончания холодной войны и падения «железного занавеса». Первый этап (с 1989 г. до конца 1990-х годов) характеризовался эйфорией (на смену которой пришло разочарование) и постепенной экономической интеграцией восточноевропейских стран в рынок ЕС. На втором этапе, после вступления стран бывшего соцлагеря в ЕС в середине 2000-х годов между новыми членами Евросоюза, с одной стороны, и Брюсселем, – с другой, наметился ряд противоречий, обусловленных разным пониманием национального суверенитета, внешнеполитическими расхождениями и т.д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в середине 2010-х годов страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), политическим рупором которых стала Вишеградская группа, начали больше конфликтовать с Брюсселем, Парижем и Берлином. Эта тенденция отчетливо проявилась во время миграционного кризиса 2015–2016 годов, когда*

¹ **Белинский Андрей Викторович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН; belinskii_andrei@mail.ru

² Восточная Европа фактически делится на два субрегиона – Центрально-Восточная Европа (Польша Венгрия, Чехия, Словакия, Словения) и Юго-Восточная Европа (Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Хорватия, Северная Македония).

страны ЦВЕ вместе с Австрией перекрыли так называемый балканский маршрут. После начала СВО РФ роль ЦВЕ в Евросоюзе значительно возросла, что обусловлено как географическим положением региона, так и активной помощью Киеву со стороны Польши, Чехии, Словакии. Автор приходит к выводу, что Центрально-Восточная Европа постепенно превращается в центр силы, хотя ни ее место в системе международных отношений, ни характер ее взаимодействия с ФРГ и Францией пока еще не определены.

Ключевые слова: Западная Европа, Центрально-Восточная Европа, Вишеградская группа, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, В. Орбан, международные отношения.

Трудности общественно-политического перевода

«Бархатные революции», прокатившиеся по региону Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в 1989 г., привели не только к крушению социалистической государственности в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, ГДР, но и к тому, что страны ЦВЕ получили надежду на обретение полного суверенитета и воссоединение с Европой.

Падение «железного занавеса», разделявшего европейский континент на протяжении 45 лет, экономическая и последовавшая за ней в середине 2000-х годов политическая интеграция восточноевропейских стран с ЕС, казалось, должны были стать последним верстовым столбом на их «долгом пути на Запад»¹. Но вскоре выяснилось, что в конце пути, по которому народы ЦВЕ, ведомые своими политическими пастырями (Л. Валенсой, А. Квасьневским, В. Гавелом, М. Неметом и др.), продвигались на Запад, их ожидала не только «Ода к радости»².

Если бы перед современными лингвистами и филологами поставили задачу подготовить словарь общественно-политической лексики для перевода со «староевропейского» на «новоевропейский» язык, они, вероятно, восприняли бы данное предложение как розыгрыш или неуместную шутку. Но, похоже, что в течение

¹ «Долгий путь на Запад» (нем. «Der lange Weg nach Westen») – книга известного немецкого историка Г.А. Винклера, изданная в 2000 г.

² Переложенная на музыку ода Ф. Шиллера, вошедшая в состав знаменитой 9-й симфонии Л. Бетховена, – официальный гимн Европейских сообществ с 1985 г. (с 1993 г. – Европейского союза).

следующих десятилетий политики обеих частей Старого Света будут заниматься решением именно этой задачи, выходящей далеко за рамки теоретического языкознания.

Процесс стремительной (и небезболезненной) интеграции в Евросоюз стран Центрально-Восточной Европы открыл рынки труда ЕС для сотен тысяч работников из Польши, Венгрии, Чехии, Румынии. Одновременно десятки европейских фирм (в первую очередь, немецких и австрийских) устремились осваивать новые территории за Эльбой и Дунаем. А зазвучавшая в Европарламенте польская, чешская, словацкая, венгерская и румынская речь, приmeshивающаяся к постоянно звучащим в этих стенах языку Гёте и английскому языку (лингва франко), привносящая восточноевропейский флер в пока еще размеренную политическую жизнь Старого Света, казалось, подтверждала, что на континенте создан единый европейский дом, в котором «ни эллина, ни иудея».

Однако эта благостная картина не могла скрыть противоречий, которые постепенно накапливались в отношениях между «старой» и «новой» Европой.

Первым «камнем преткновения» на пути их сближения стало различное восприятие процесса интеграции бывшей Восточной Европы в общеевропейские структуры.

В то время как страны, преодолевавшие наследие предшествующего социалистического периода, рассчитывали хотя бы на относительное равноправие и учет своих интересов при выработке общеевропейского курса, ФРГ, Франция и Великобритания рассматривали процесс интеграции своих новых партнеров с совершенно иных позиций. «Принятие восточноевропейских стран в ЕС не происходило на равных, более того, условия были уже определены в тот момент, когда восточноевропейские государства стучались в дверь Евросоюза» [Osteuropa ... , 2022, S. 22]. И действительно, детальный анализ политики ведущих европейских держав по вопросам расширения ЕС показывает, что многие их действия были зачастую обусловлены собственными интересами, далекими от интересов «новых» европейцев. Как отмечала отечественный исследователь Л. Шишелина, «за фасадом отчетов брюссельских функционеров может скрываться “тревожащая беспомощность”» [Шишелина, 2007, с. 63].

В свою очередь, чувство превосходства, которое «старые» европейцы испытывали по отношению к «первоклассникам» из бывшей Восточной Европы, пришедшим учиться в высшую школу демократии, имело глубокие исторические корни. Еще в век Просвещения в европейском общественном сознании прочно закрепились представления о Восточной Европе как о «полуварварском», «полудивилизованном» регионе. Появлению такого нелицеприятного мнения о восточноевропейских народах во многом способствовали, с одной стороны, слабые знания об их истории и культуре (например, в XVIII в. во многих просвещенных кругах венгерский язык считался разновидностью славянских наречий), а с другой – активная внешнеполитическая экспансия Австрийской империи и Пруссии (с 1871 г. – Германской империи). И хотя бурный поток Истории смыл наиболее одиозные клише и предрассудки, многие европейцы продолжали считать ЦВЕ регионом, нуждающимся в культуртрегерском попечении Брюсселя, Берлина и Парижа.

Снисходительное отношение европейских элит к новым членам ЕС подкреплялось и слабостью демократических традиций в большинстве стран Восточной Европы, а также памятью об их авторитарном прошлом. В то время как венгры, поляки, чехи, словаки и румыны еще только начинали двигаться по пути установления демократических институтов и закрепления демократических традиций, «старые» европейцы могли с полным правом упиваться самопровозглашенной ролью политического маяка, освещающего небольшим суденышкам восточноевропейской государственности путь в бухту Европейского союза. Впрочем, подобное отношение к себе испытали и немцы бывшей ГДР, получившие вместо обещанных канцлером Г. Коелем «цветущих ландшафтов» высокую безработицу, закрытие предприятий и высокомерные взгляды со стороны западных родственников.

А тем временем экономические обстоятельства «непреодолимой силы» (зависимость от финансовых траншей Брюсселя, фактический контроль западного капитала над ведущими отраслями экономики восточноевропейских стран) невидимыми руками рынка направляли страны Центрально-Восточной Европы на «правильный путь». Неравенство договаривающихся сторон при принятии бывших государств соцлагеря в Евросоюз напрямую проявилось в

поставленных им *ante factum*¹ условиях. И хотя одновременно страны «новой» Европы получили немало преференций от Евросоюза, у многих восточных европейцев процесс вступления их стран в ЕС оставил горькое послевкусие.

Вторым «камнем преткновения» в отношениях Евросоюза и новых государств – членов ЕС оказался вопрос о соотношении общеевропейского и национального начал, а также о понимании национального суверенитета. Лиссабонский договор 2007 г., призванный заменить так и не вступившую в силу европейскую конституцию, не помог разрубить «гордиев узел» национальных и общеевропейских компетенций и интересов.

В то время как Западная Европа рассматривала делегирование части национального суверенитета структурам ЕС как инструмент утверждения собственной независимости, странам Восточной Европы этот вопрос виделся в совершенно ином свете. Для Восточно-Европейского региона, протянувшегося от Балтики до дельты Дуная, идеи национального государства и суверенитета имели огромное значение. Исторический опыт пребывания в составе той или иной империи, многочисленные восстания против имперской власти, а затем против коммунистических режимов (1830–1831, 1863–1864, 1981–1983 – Польша; 1848–1849, 1956 – Венгрия; 1876 – Болгария; 1968 – Пражская весна в Чехословакии) – все это во многом определило болезненное отношение жителей бывшей Восточной Европы к любым попыткам иностранного вмешательства во внутренние и внешнеполитические дела их стран. Именно поэтому в высоких кабинетах восточноевропейских столиц, где еще свежи воспоминания о прежней зависимости от иностранной власти, с подозрением относятся к требованиям ЕС о приведении отраслей национальных экономик к общеевропейским стандартам или о введении квот на принятие мигрантов. «Москва была трагедией, Брюссель – неудачная современная пародия. Если Москва играла музыку, то мы должны были под нее танцевать, но если Брюссель сейчас что-то наигрывает, то мы, если не хотим, не танцуем», – сказал премьер-министр Венгрии В. Орбан, выступая в

¹ До наступления событий (*лат.*).

Веспреме по случаю Дня революции и освободительной борьбы 1956 года»¹ (цит. по: [Орбан назвал ... , 2023]).

Многочисленные исторические травмы, вызванные отторжением территорий, символы которых некогда украшали гербы независимых королевств, соотносятся с обостренным чувством национальной гордости. В этом отношении показателен пример Венгрии, по Трианонскому договору (1920) лишившейся значительной части своих земель (Трансильвания, Хорватия, порт Фиуме (Риека)). И хотя со времен окончания Первой мировой войны прошло уже больше 100 лет, проблема венгров, проживающих в Трансильвании и Закарпатье, по-прежнему бередит «старые раны» венгерской государственности и остается одним из важнейших вопросов, подогревающих политические амбиции В. Орбана.

Третий «камень преткновения» (вернее – «мина замедленного действия») в отношениях «старой» и «новой» Европы – миграционные проблемы в ЕС, резко обострившиеся в начале XXI столетия. Эти проблемы, по сути, – производные двух предыдущих – стремления стран – лидеров ЕС устанавливать свои правила в европейском пространстве и ревнивого отношения народов Центрально-Восточной Европы (и в особенности их политических элит) к своему национальному суверенитету. В условиях господства, с одной стороны, мультикультурного мейнстрима в западной части Европы, а с другой – обостренного чувства национальной самобытности в ее восточной части, столкновение между ними было лишь вопросом времени.

Расхождение политических «вкусов», свойственных «старым» и «новым» европейцам, проявилось и в вопросах внешней политики. В то время как во франко-германском тандеме сначала робко, а затем все более отчетливо начали раздаваться голоса в поддержку обретения стратегической автономии в отношениях с США в рамках НАТО, восточноевропейские страны спешили

¹ Не отстает от В. Орбана в проведении исторических параллелей и президент Польши А. Дуда, приравнявший членство своей страны в ЕС к разделу польских земель между Австрией, Россией и Пруссией в конце XVIII в. И хотя филиппики в адрес Брюсселя можно отчасти списать на политический пиар, отчасти – на горячность, проявленную в пылу внешнеполитических баталий, однако сам выбор «оружия» (пока, к счастью, риторического) говорит о значимости темы прошлого для современных восточноевропейских политиков.

заверить Вашингтон в своей лояльности и заручиться его поддержкой. Особенно отчетливо это проявилось во время вторжения «коалиции желающих» (англ. «Coalition of the Willing») в Ирак в 2003 г., когда все восточноевропейские страны присоединились к антисаддамовской коалиции во главе с США и отправили в Ирак свои воинские контингенты.

Особый характер взаимоотношений государств «новой» Европы с Вашингтоном определялся не только неоспоримым лидерством Соединенных Штатов на «великой шахматной доске» мировой политики, но и рядом других обстоятельств. Политические элиты стран ЦВЕ не рассматривают Вашингтон – в отличие от Брюсселя, Берлина и Москвы – как угрозу национальному суверенитету. Более того, многие восточноевропейские столицы, в частности Варшава, считают свой союз с Белым домом эффективным противовесом влиянию Евросоюза или России¹. Именно противостояние с РФ стало «цементом», скрепившим дружбу стран ЦВЕ с США. И действительно, вне зависимости от исхода регулярных сражений «слонов» (республиканцы) и «ослов» (демократы) на берегу Потомака, правительства центрально-восточноевропейских государств, проявляя порой чудеса политической эквилибристики и изобретательности, ухитрялись не только сохранять дружеские связи с Вашингтоном, но и укреплять их. Весьма показателен в этом отношении пример польских властей, которые в президентство Д. Трампа устами главы республики А. Дуды предложили назвать новую военную базу в честь лидера США – «форт Трамп». Однако смена «политического караула» в Вашингтоне и приход к власти Дж. Байдена не привели к кардинальному пересмотру американо-польских отношений.

Таким образом, период от начала 1990-х годов до конца 2000-х годов стал временем больших надежд и больших разочарований для стран ЦВЕ. Различная трактовка принципов евроинтеграции, непонимание (нередко переходящее в пренебрежение) со стороны Брюсселя, национальный эгоизм со стороны центрально-восточноевропейских лидеров, стремившихся воспользоваться всеми преимуществами ин-

¹ Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что путь восточноевропейских стран в ЕС был связан с их вступлением в НАТО, где решающее слово оставалось за Соединенными Штатами.

теграции, сохраняя при этом свободу рук во внутренней и внешней политике, – таковы были основные вызовы, с которыми пришлось столкнуться обеим сторонам.

Поскольку на протяжении многих лет в отношениях между «ядром» ЕС (Брюссель, Париж, Берлин) и Центрально-Восточной Европой подспудно накапливались противоречия, то рано или поздно они неизбежно должны были выйти наружу. Уже к середине 2000-х годов по обе стороны незримой (но от того ничуть не менее реальной) демаркационной линии между Западной и Восточной Европой туман надежд стал рассеиваться под палящим солнцем политической реальности.

Социологические исследования демонстрировали, что в обществах «новой» Европы нет единства по вопросу о необходимости пребывания государств ЦВЕ в ЕС. Но и в западноевропейских странах ощущался все больший скепсис по отношению к идее расширения Евросоюза на Восток: «многие в Западной Европе были убеждены, что ЕС расширился слишком далеко и слишком быстро» [Valášek, 2019, p. 1–2]. Противоречия обострялись по мере усиления Вишеградской группы, формирования режимов нелиберальной демократии в ряде восточноевропейских стран и нарастания глобальной турбулентности.

Это различие между двумя частями Старого Света еще в 1984 г. очень точно подметил известный писатель М. Кундера в своем эссе «Трагедия Центральной Европы»: «“географическая” Европа (от Атлантики до Урала) всегда делилась на две части, каждая из которых развивалась самостоятельно: одна была неразрывно связана с античным Римом и Католической церковью, другая – опиралась на Византию и Православную церковь. После 1945 г. граница между этими двумя Европами передвинулась на несколько сотен километров на запад, и однажды утром несколько наций, всегда причислявших себя к Западу, обнаружили, что теперь они находятся на Востоке» [Kundera, 1984].

И действительно, уже к концу 2000-х годов в странах ЦВЕ усилилось разочарование в политике Брюсселя и укрепился евро-скептицизм.

Дуэль

Первый «выстрел» в наметившейся дуэли «ядра» ЕС и стран ЦВЕ был сделан во время миграционного кризиса 2015–2016 гг., который стал одним из самых серьезных вызовов для всех государств – членов ЕС с начала XXI в. Решение А. Меркель открыть границы и принять беженцев – весь поток спасающихся от гражданской войны сирийцев, к которому примешивались «ручейки» искавших свое место под солнцем афганцев и иракцев, – раскололо Евросоюз. Страны Вишеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), к слаженному хору которых примкнула и Австрия в лице молодого, но уже достаточно амбициозного министра иностранных дел С. Курца, выступили с гневной критикой миграционного курса канцлера ФРГ, после чего последовали и конкретные шаги. «Когда Еврокомиссия представила... свою дорожную карту по решению миграционного кризиса, в которой речь шла о распределении беженцев по квотам, они все [восточноевропейские страны. – А. Б.] заняли одинаковую позицию. От Болгарии и Венгрии через Чехию и Польшу до государств Балтии – все дали единодушный ответ: никаких беженцев в наших странах» [Kokot, 2015].

Весной 2016 г. Венгрия, Австрия и ряд западнобалканских (постъюгославских) государств совместными усилиями перекрыли так называемый «балканский маршрут» – главную тропу, по которой беженцы двигались в ЕС. И хотя эффективность подобного шага до сих пор вызывает в Евросоюзе ожесточенные споры, он ясно продемонстрировал, что «новая» Европа все громче заявляет о себе. И в то же время в «старой» Европе росло раздражение действиями стран Вишеградской группы, стремившихся пользоваться всеми выгодами от членства в ЕС, но не желавших разделять с лидерами ЕС «горький хлеб» ответственности в непростое для континента время.

Даже после того, как пик миграционного кризиса, казалось, был пройден, эта тема еще на протяжении нескольких лет отдавалась эхом в высоких кабинетах европейских столиц. «Страны – участницы ЕС не могут оправдать свое “нет” приему беженцев ни необходимостью поддержания общественного порядка, ни “нефункциональностью” механизмов расселения», – таков был вердикт суда Европейского союза [EuGH urteilt ... , 2020]. Впрочем, на позицию Варшавы, Праги и Будапешта это решение мало повлияло.

Очередным «яблоком раздора» в отношениях «старой» и «новой» Европы стал проект газопровода «Северный поток – 2». Его значение, несомненно, вышло далеко за рамки проблемы обеспечения гигантов европейской промышленности голубым топливом и фиксации прибыли в бухгалтерских книгах. Вокруг строящегося газопровода развернулась «большая игра», в которую оказались втянуты США, ФРГ, Россия и ряд стран Восточной Европы (Польша, страны Балтии). Для последних необходимость противодействия проекту строительства «Северного потока – 2» диктовалась, с одной стороны, «кошмаром коалиций», неизменно всплывающим из глубин подсознания политических элит региона, с другой – опасением оказаться в энергетической зависимости от России.

Еще одним поводом для беспокойства, явственно ощущавшегося в Брюсселе, Париже и Берлине, было внутривнутриполитическое развитие государств ЦВЕ, в ряде случаев плохо соотносившееся с принципами либеральной демократии. Безусловными «лидерами» начавшегося процесса нежелательных (с точки зрения руководства ЕС) изменений были Польша и Венгрия, где правящие партии – «Право и справедливость» и «Фидес – Венгерский гражданский союз» – взяли курс на создание (полу)авторитарных режимов, пусть и закамуфлированных демократическими атрибутами (подробнее см.: [Autoritarismus ... , 2009]). В соседней Чехии евроскептицизм не достиг такого размаха, как в Польше и Венгрии, однако и здесь в 2017 г. к власти прорвались правопопулистские силы, лидером которых был миллиардер А. Бабиш.

В то же время неуклонное укрепление кооперации восточно-европейских стран свидетельствовало о том, что этот регион постепенно осознает себя единым целым. Наряду с созданной еще в 1991 г. Вишеградской группой, игравшей важнейшую роль в интеграции стран ЦВЕ, в регионе начали появляться новые объединения экономического и политического характера. К началу 2020-х годов в продвижении амбициозной программы ЕС «Восточное партнерство» в силу ряда причин наступил «ледниковый период». Однако идея лидерства Польши от Балтики до Черного моря, которую в свое время лелеяли и польские короли, и маршал Ю. Пилсудский, к концу 2010-х годов обрела новое институциональное обрамление в виде созданной в 2016 г. инициативы «Трехморье», костяк которой составили именно страны ЦВЕ.

Протекающие на востоке ЕС политические процессы неизбежно вызвали вопросы, а вместе с ними и опасения в «старой» Европе. Постепенное осознание региональной специфики и различий, существующих между «ядром» ЕС, экономически относительно слабым европейским Югом и постепенно пробуждающимся европейским Востоком, привело к появлению концепции «Европы двух скоростей», о которой с завидным единодушием и не менее завидным постоянством заговорили лидеры ЕС – Э. Макрон, А. Меркель, Ж.-К. Юнкер.

В итоге к началу 2020-х годов бывшая Восточная Европа хотя и не встала в один ряд со «старыми» государствами – членами ЕС, однако сумела нарастить политические «мускулы» и – что еще важнее – заявить (пусть и не в унисон) о своих политических амбициях. Было совершенно очевидно, что в отношениях между Западной и Восточной Европой наступает новый период.

Год перелома

Осенью 2021 г., когда тучи грядущего политического кризиса начали затягивать небо Старого Света, в европейских столицах почувствовали горячее дыхание приближающихся грозных событий. Однако реакция руководителей государств – членов ЕС была различной. В то время как Париж и Берлин предпринимали отчаянные, но безнадежно запоздалые попытки челночной дипломатии, пытаясь найти компромисс между шатким статус-кво и новым витком конфронтации, лидеры той же Польши, а вместе с ними и ряда других восточноевропейских стран заняли недвусмысленную наступательную позицию.

С декабря 2021 г. Украина стала на какое-то время «политической Меккой» польских политиков, прибывающих в Киев, чтобы выразить поддержку украинским властям. «Мы не можем представить себе безопасность Европы без Украины, – утверждал вице-спикер польского Сейма Р. Терлецкий. – Мы не можем представить себе будущее ЕС без Украины. И мы не можем представить себе будущее НАТО без Украины» (цит. по: [Kranz, 2022]). Патетическая речь польского парламентария подкреплялась решением Варшавы поставить Украине крупную партию оружия, включая десятки тысяч артиллерийских снарядов, дроны, легкие минометы и т.д. Солидарность с Киевом выразили также Чехия и страны Балтии.

День 24 февраля 2022 г. – без всякого преувеличения стал поворотной датой в истории Европейского континента, в особенности – стран Центрально-Восточной Европы.

Стремительно раскручивающийся маховик событий застал врасплох Германию и Францию, «пустив под нож» всю их предшествующую восточную политику. Лидеры обеих стран, теряющие поддержку и со стороны общества, и со стороны элит, дезориентированные нарастающей турбулентностью, ненадолго оказались на периферии политических процессов.

Это было особенно заметно в первые месяцы разгоревшегося конфликта, когда французские и немецкие политики, безоговорочно поддерживавшие политику жестких санкций в отношении России, все еще медлили с началом поставок обещанных Киеву вооружений, с отчаянием утопающего хватаясь за спасательный круг дипломатии. На этом фоне выступающие единым антироссийским фронтом Варшава и Вильнюс и Прага, за спинами которых вырисовывались Лондон и Вашингтон, временно превратилась в законодателей «политических мод» в ЕС.

В то время как бундестаг еще только пытался понять, как реагировать на слова О. Шольца о «*Zeitenwende*» (нем. «смена эпох»), «новая» Европа переживала настоящий политический Ренессанс. Такое положение дел было обусловлено не только тем, что ФРГ и Франция упустили (пусть и на короткое время) инициативу в разыгрывающейся партии на «великой шахматной доске», не только воинственной риторикой, доносившейся из Варшавы, Праги, Братиславы и «примкнувших» к ним стран Балтии, но и рядом иных, не менее важных обстоятельств.

Конфликт на территории Украины превратил бывшую Восточную Европу в своего рода «прифронтовую» зону НАТО: количество размещенных в регионе воинских контингентов стран Альянса значительно возросло, инфраструктура стала активно использоваться для переброски вооружений Киеву. Небольшой польский городок Жешув в предгорьях Карпат, за короткое время превратившейся в один из главных военных хабов, стал своего рода символом возрождения политической мощи региона и в первую очередь – Республики Польша.

При этом и сами страны ЦВЕ оказали Киеву существенную поддержку (особенно это было заметно на первом этапе конфликта).

Они не только приняли несколько миллионов украинских беженцев, но и внесли немалый вклад в общий «котел» западных поставок. Именно Польша и Чехия в этот период стали основными танковыми «донорами» ВСУ, предоставив Украине соответственно 240 и 12 танков Т-72 (табл.).

Таблица

Военные поставки Украине с 24 января по 10 мая 2022 г. (евро)

Страна	Поставки
США	24,11 млрд
Великобритания	2,34 млрд
Польша	1,52 млрд
ЕС	1,50 млрд
Германия	1,39 млрд
Эстония	230,00 млн
Латвия	218,80 млн
Франция	162,52 млн
Чехия	144,60 млн
Словакия	113,82 млн

Источник: [Страны-лидеры ... , 2022].

И даже сейчас, после того как ведущие страны НАТО (США, Великобритания и включившиеся в эту гонку ФРГ и Франция) существенно расширили номенклатуру вооружений, включив в нее тяжелую бронетехнику, Восточная Европа по-прежнему остается важным поставщиком оружия Киеву.

Стремительный процесс милитаризации ЦВЕ проявляется и в увеличении военных бюджетов стран региона, и в амбициозных планах восточноевропейских политиков. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (англ. Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI), за 2021–2022 гг. военные расходы стран ЦВЕ выросли на 58% (!), составив 135 млрд долл. [Armaments ... , 2023, p. 8]. Неофициальным лидером оружейного «марафона» является Варшава, анонсировавшая создание самых многочисленных сухопутных войск в Европе [Polen will mehr ... , 2023].

Однако и в этом дружном хоре антироссийских деклараций нашлись свои отказники. Будапешт, который и до 2022 г. года счи-

тался европейским *enfant terrible*, после начала СВО РФ начал привлекать косые взгляды не только со стороны Брюсселя, Парижа и Берлина, но и со стороны соратников по Вишеградской группе. Премьер-министр Венгрии В. Орбан, отказавшийся поставлять оружие Киеву, стал если не персоной нон-грата, то, по крайней мере, объектом постоянной критики со стороны политического истеблишмента ЕС. Особая позиция Будапешта в нынешнем конфликте обусловлена как идейными, так и сугубо прагматическими соображениями. В отличие от Польши, имеющей многочисленные претензии к России в «вечном споре славян» и особенно остро отреагировавшей на начавшуюся СВО, на «высоком берегу Дуная» украинские события рассматривали немного под иным углом. Не поддерживая в целом действия России и в то же время не желая дальнейшей эскалации конфликта, Венгрия постаралась занять относительно нейтральную позицию. При этом стратегический расчет Будапешта дополняли тактические соображения, обусловленные стремлением честолюбивого премьер-министра выторговать финансовые преференции для своей страны, попутно подпустив пару шпилек в адрес Киева и Брюсселя.

Добавим, что предстоящее председательство Венгрии в Совете ЕС, похоже, не дает особых надежд на умиротворение бурлящих политических страстей.

Взмах маятника, или Где бьется сердце Европы

Первые два десятилетия XXI в., безусловно, войдут в историю как время низвержения устоявшихся догм, авторитетов и устоев. За победой «коллективного Запада» в холодной войне последовал кризис Рах Америка, и на величественное здание демократии обрушились волны праворадикального популизма. Старый мир, еще вчера принимавший капитуляцию коммунизма, вздрогнул, осел и... начал осыпаться, погребая под обломками и своих сторонников, и недоброжелателей.

Системный кризис привычного миропорядка затронул и взаимоотношения между ядром мир-системы (Западная Европа, США) и периферийными игроками мировой политики. Западные державы сдают позиции в ряде регионов (Афганистан, Африка), а развивающиеся страны, стремящиеся компенсировать собственную слабость кооперацией с другими игроками (ШОС, БРИКС,

Вишеградская группа), напротив, укрепляют позиции, – и вот уже президент Франции Э. Макрон во всеуслышание говорит о том, что «сердце франкофонного мира» теперь бьется в Африке, а не во Франции [Discours ... , 2017]. Хотя военное, технологическое и отчасти экономическое превосходство еще позволяют западному миру по инерции посматривать свысока на другие части света, однако региональные игроки все громче заявляют о себе.

С этой точки зрения все зигзаги взаимоотношений «старой» и «новой» Европы вполне органично вписываются в колею мировой истории. Центральнo-Восточная Европа, на протяжении долгого времени считавшаяся периферией Старого Света, в 2010-х годах по мере упрочения внутрирегионального сотрудничества начала приобретать черты политической субъектности. Нынешний кризис, связанный с украинскими событиями, если не вывел ЦВЕ на авансцену мировой политики, то, несомненно, повысил ее значимость. «Польша и государства Балтии выдвинули моральные аргументы в поддержку Украины, попутно заполнив образовавшийся почти полный вакуум [лидерства. – А. Б.] в начале конфликта, в то время как традиционных лидеров, Францию и Германию, казалось, разбил паралич» [Erlanger, 2023]. «Если вообще можно оценивать государства по их величине, то Польша имеет все шансы сыграть в концерте крупных держав, поскольку со своими 38 млн жителей является пятой по численности населения страной Европы после ФРГ, Франции, Италии и Испании», – отмечает австрийский интернет-портал «Industrie Magazin» [Machtfaktor ... , 2023].

Значит ли это, что «сердце Европы» теперь будет биться не на берегах Сены или Шпрее, а на Висле, Дунае, Тисе? Произойдет ли смещение европейского политического центра тяжести на Восток? Станем ли мы свидетелями формирования новой оси Париж – Берлин – Варшава с ее политическими спутниками (Прага, Бухарест, София)? Или раскол между «старыми» и «новыми» европейцами будет лишь углубляться?

Динамика политических событий не позволяет дать окончательные ответы на эти вопросы. Но одно уже очевидно – маятник качнулся.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Орбан назвал ЕС пародией на СССР. (2023) // Коммерсантъ. – Москва. – 24.10. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6296650> (дата обращения: 26.02.2024) [*Orban called the EU a parody of the USSR [Orban nazval ES parodiei na SSSR].* (2023) // Kommersant. – Moscow. – 24.10. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6296650> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Страны-лидеры по поставкам вооружений Украине. (2022) // Коммерсантъ. – Москва. – 09.06. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5395864> (дата обращения: 26.02.2024) [*Leading countries in arms supplies to Ukraine [Strany-lidery po postavkam vooruzhenii Ukraine].* (2022) // Kommersant. – Moscow. – 09.06. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5395864> (date of access: 26.02.2024)] (In Russian).

Шишелина Л.Н. (2007). Вишеградская четверка и Европейский союз // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 4. – С. 56–70 [Shishelina L.N. (2020). The Visegrad Four and the European Union [*Vishegradskaya chetverka i Evropeiskii soyuz*] // Contemporary Europe / RAS, IE. – Moscow. – N 4. – P. 56–70] (In Russian).

Armaments, disarmament and international security : SIPRI yearbook 2023. (2023) / Stockholm international peace research institute (SIPRI). – Stockholm. – 28 p. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-06/yb23_summary_en_0.pdf (date of access: 26.02.2024).

Autoritarismus in Mittel- und Osteuropa. (2009) / J. Macków (Hrsg.). – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften. – 348 S.

Discours d'Emmanuel Macron à l'université de Ouagadougou. (2017) / Élysée. – Paris. – 28.11. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (date of access: 26.02.2024).

Erlanger S. (2023). Ukraine war accelerates shift of power in Europe to the East // The New York Times. – New York. – 26.01 – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/26/world/europe/eu-nato-power-ukraine-war.html> (date of access: 26.02.2024).

EuGH urteilt gegen drei EU-Staaten. (2020) // Tagesschau. – Hamburg. – 02.04. – URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/gerichtsurteil-fluechtlingskrise-101.html> (date of access: 26.02.2024).

Kokot M. (2015). Flüchtlinge? Nicht bei uns! // Zeit online. – Hamburg. – 12.05. – URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2015-05/fluechtlinge-tschechien-polen-ungarn> (date of access: 26.02.2024).

Kranz M. (2022). How the Russia–Ukraine crisis is turning Poland into a strategic player // Foreign policy. – Washington, D.C. – 23.02. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/02/23/poland-ukraine-russia-crisis-nato-strategic-role-military-diplomacy-war/> (date of access: 26.02.2024).

Kundera M. (1984). The tragedy of Central Europe // The New York review of books. – New York. – Vol. 31, Issue 7. – 26.04. – P. 33–38. – URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/MEB404/um/Kundera_1984.pdf (date of access: 26.02.2024).

Machtfaktor Osteuropa. (2023) // Industrie Magazin. – Wien. – 09.11. – URL: <https://industriemagazin.at/wirtschaftsnachrichten-donauraum/machtfaktor-osteuropa/> (date of access: 26.02.2024).

Osteuropa zwischen Mauerfall und Ukrainekrieg : Besichtigung einer Epoche. (2022) / Aust M., Heinemann-Grüder A., Nußberger A., Schmid U. – Berlin : Suhrkamp Verlag AG. – 254 S.

Polen will mehr : der Aufstieg zur Militärmacht. (2023) // WDR Doku. – Köln. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=B_KsmSV7k1Q (date of access: 26.02.2024).

Valášek M. (2019). Why can't the EU's West and East work as one? // Carnegie Europe. – Brussels. – 08.11. – URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/11/08/why-cant-eu-s-west-and-east-work-as-one-pub-80300> (date of access: 26.02.2024).

DOI: 10.31249/ape/2024.02.02

Belinsky A.V.¹

Neighbors, partners, competitors: Western and Central-Eastern Europe at the turn of the epoch

Abstract. *The author examines the evolution of the relationship between Western and Eastern Europe in the conditions of geopolitical turbulence and crisis of the world order in the first decades of the XXI c. and identifies several stages in the development of relations between «old» and «new» Europe after the end of the Cold War and the fall of the Iron Curtain. The first stage (1989 – late 1990s) was characterized by an euphoria (which was replaced by disappointment) and the gradual economic integration of Eastern European countries into the EU market. At the second stage, when the countries of the former socialist camp joined the EU in the mid-2000s, a number of contradictions emerged between the new EU members, on the one hand, and Brussels, on the other, due to different understandings of national sovereignty, foreign policy differences, etc. Therefore, it is not surprising that in the mid-2010s, the countries of Central-Eastern Europe (CEE), whose political mouthpiece became the Visegrad Group, began to conflict with Brussels, Paris and Berlin. This trend was clearly evident during the migration crisis of 2015–2016, when the CEE countries, together with Austria, blocked the so-called Balkan route. After the beginning of the SMO of the Russian Federation, the role of the CEE region in the European Union increased significantly, which was due both to the geographical location of the region and to the active assistance to Kyiv from Poland, the Czech Republic, and Slovakia. The author*

¹ **Belinsky Andrey Victorovich** – PhD in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAN; belinskii_andrei@mail.ru

comes to the conclusion that Central-Eastern Europe is gradually turning into a center of power, although neither its place in the system of international relations nor the nature of its interaction with Germany and France have not yet been determined.

Keywords: *Western Europe, Central-Eastern Europe, Visegrad Group, Poland, Hungary, Czech Republic, Slovakia, V. Orban, international relations.*

Статья поступила в редакцию (Received) 05.02.2024

Доработана после рецензирования (Revised) 22.02.2024

Принята к публикации (Accepted) 14.03.2024